

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) (Tipología de la conducta del habla: aspecto comunicativo-pragmático)

Татьяна А. Воронцова
Удмуртский университет (Россия)

Tatiana A. Vorontsova
Universidad Estatal de Udmurtia (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española N° 5 (2009), 21-31

ABSTRACT

The speech behavior typology is represented in the article from the point view of communicative and pragmatic approach. The notions communicative space and speech behavior are specified. Three types of communicative behavior: aggression, tolerance, politeness, are viewed.

Key words: communicative space, speech behavior, aggression, toleranc, politeness.

РЕЗЮМЕ

В статье представлена типология речевого поведения с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Уточнены понятия «коммуникативное пространство» и «речевое поведение». С позиции взаимодействия в коммуникативном пространстве рассматриваются три типа речевого поведения: агрессия, толерантность и вежливость.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, речевое поведение, речевая агрессия, толерантность, вежливость.

Базовым понятием для любого вида коммуникации является понятие коммуникативного пространства. Сам термин «коммуникативное пространство» не имеет устойчивого и однозначного определения. Например, Н.В. Муравьева под коммуникативным пространством человека понимает уровень его коммуникативной компетенции: знания и представления о том, как принято общаться в той или иной ситуации (Муравьева 2004).

В общей теории коммуникации этот термин приближен к понятию информационного пространства, с той только оговоркой, что «в случае коммуникации речь уже идет о двустороннем процессе, где и генератор и получатель информации обладают активными, формирующими эту коммуникацию ролями» (Почепцов 2001: 295-296).

Известный литературовед и лингвист Б.М. Гаспаров, пытаясь представить язык как среду существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие, определяет коммуникативное пространство скорее как пространство дискурсивное: «...Коммуникативное пространство в совокупности и взаимодействии всех своих аспектов образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности»

(Гаспаров 1996: 297). По мнению Б.М.Гаспарова, в коммуникативное пространство наряду с жанровой характеристикой включаются «такие свойства языкового сообщения, как его «тон», предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит», а также коммуникативная ситуация «со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника». Важную сторону коммуникативного пространства составляет представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним. «Наконец, свой вклад в коммуникативное пространство вносит самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих» (Там же: 295-296).

И.П.Сусов вводит понятие коммуникативно-прагматического пространства, определяя его как речевую ситуацию, включающую роли говорящего и слушающего, характеристики времени и места, правила согласования этих целей в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта другому и т.п.. Прагмалингвистический подход к языку соотносит коммуникативно-прагматическое пространство с языковыми (типы речевых актов, речевые ходы и т.д.) и ментальными структурами (пропозиции, пресуппозиции, имплицатуры), обеспечивающими целенаправленность, целесообразность и уместность, а также успешность и удачность коммуникативных действий каждого из партнеров по коммуникации (Сусов 1989: 57–59).

Для нас принципиально важным фактом является то, что при любом понимании коммуникативного пространства точкой отсчета в нем всегда является адресант. По Б.М. Гаспарову, коммуникативное пространство – это та среда, «в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности» (Гаспаров 1996: 295). В коммуникативно-прагматическом пространстве говорящий – это тот, кто создает и контролирует это пространство (Сусов 1989).

Конкретизируя понятие коммуникативного пространства, мы рассматриваем его как зону реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего (адресанта). Создание гармоничного коммуникативного пространства – это ориентация коммуникантов на диалогическое общение в широком смысле слова. Условия успешности такого общения в разных аспектах неоднократно рассматривались в лингвистических исследованиях (Демьянков 1992: 10-44). Вступая в коммуникативные отношения, каждый из участников общения обладает собственным видением процесса коммуникации, своей роли в нем, имеет свои ценностные ориентиры и собственные представления о том или ином предмете речи.

Очевидно, что при любом понимании коммуникативное пространство многомерно, подвижно, изменчиво, его невозможно структурировать, по крайней мере, однозначно. Вместе с тем, в ракурсе конкретного предмета исследования в коммуникативном пространстве можно с определенной долей условности обозначить сферы, с данным предметом связанные. Представление о коммуникативном пространстве в рамках конкретного диалогического общения определяет выбор коммуникантом типа речевого поведения.

Параметры этого понятия являются принципиально значимыми. Дело в том, что термин «речевое поведение» наряду с понятиями «речевая деятельность», «речевое общение», «коммуникация», оказавшись в сфере интересов социо-, психо-, прагмалингвистики и теории речевых актов, до сих пор не имеет однозначной интерпретации (Винокур 1993: 13).

Ряд исследователей отрицают осознанность и целенаправленность речевого поведения (Т.М. Дридзе (1980), А.А. Леонтьев (1999), Г.Г. Матвеева (1984, 2000: 167-175), Н.И. Формановская (1982) и др.). Р. Якобсон же, как известно, утверждал, что «любое речевое поведение является целенаправленным» (1975: 193-230). Именно такой подход к речевому поведению характерен, например, для социалингвистики, где речевое поведение понимается «как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания» (Швейцер 1990: 481- 82). Т.Г. Винокур также акцентирует внимание на социокоммуникативном аспекте, не отрицая деятельностной природы речевого поведения. Она считает, что «интерпретация понятия «речевое поведение» должна опираться ровно столько же на сам факт осуществления речи, сколько на совершившийся при этом отбор речевых средств...» (Винокур 1993: 9). Т.Г.Винокур рассматривает речевое поведение как совокупность речевых поступков. С внутриязыковой стороны речевое поведение определяется закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности (Там же: 12).

В прагмалингвистике речевое поведение «понимается как совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов» (Клюев 2002: 15), т.е. осознанность и целенаправленность рассматриваются как ключевые характеристики речевого поведения. С этих позиций речевое поведение может быть определено как «эмпирически наблюдаемая мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей» (Борисова 2001: 190).

При этом нам представляется целесообразным и логичным разграничение терминов «коммуникативное поведение» и «речевое поведение» (не во всех лингвистических исследованиях эти термины разграничиваются). На наш взгляд, коммуникативное поведение – понятие более широкое, чем речевое поведение. Именно так рассматривают коммуникативное поведение, например, И.Н. Борисова (2001), А.К. Михальская (1996), Н.В. Муравьева (2002), И.А. Стернин (2001) и др. Коммуникативное поведение включает в себя и речевое, и неречевое поведение (например, в устной коммуникации громкость голоса, интонацию, жесты и т.д., в письменной – изображения, характер шрифта и т.д.). В свою очередь, составляющими речевого поведения являются интенциональное и языковое поведение. Однако, как замечает А.К. Михальская, «в коммуникативном поведении именно речевое поведение – главное, именно оно структурирует, организует все остальное, но вместе с тем и отражает особенности прочего» (1999). Коммуникативно-прагматические типы речевого поведения – это фактически установки говорящего на тот или иной путь формирования коммуникативного пространства.

По большому счету, адресант (говорящий) ориентируется на одну из трех установок:

- 1) осуществить вторжение в коммуникативное пространство адресата, деформировать его в соответствии с собственной картиной мира, представлениями, оценками и т.д.;
- 2) эксплицировать собственные представления и оценки, не стремясь при этом существенно изменить представления и оценки адресата;
- 3) создать общее с адресатом качественно новое для себя и для него коммуникативное пространство.

Эти установки можно спроецировать на основные стратегии коммуникации: агрессию, толерантность и вежливость.

Речевая агрессия – это целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение, в основе которого лежит однонаправленное эмоциональное негативизирующее речевое воздействие на адресата, т.е. установка на некооперативное взаимодействие в широком смысле.

Говорящий не стремится создать общее с адресатом коммуникативное пространство, а, напротив, старается сам заполнить его коммуникативное пространство. В соответствии с коммуникативно-прагматическими установками адресанта речевая агрессия в этом плане может рассматриваться как преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата в речевой, аксиологической и / или когнитивной сфере. Смысл такой деформации состоит в преднамеренном вовлечении адресата в реальный или потенциальный конфликт вследствие изменения status quo в указанных сферах коммуникативного пространства. Поэтому речевая агрессия квалифицируется нами как вторжение в речевое, аксиологическое и/или когнитивное пространство адресата.

Вторжение в речевое пространство – это нарушение конвенциональных условий дискурса: «несанкционированный» адресатом захват коммуникативной инициативы со стороны адресанта и создание коммуникативного дисбаланса. С коммуникативно-прагматической точки зрения основной целью такого типа агрессивного речевого поведения является стремление изменить протекание процесса коммуникации в нужном адресанту направлении за счет ущемления «коммуникативных прав» речевого партнера. Это может быть декларация коммуникативной несостоятельности речевого партнера вплоть до полного информативного и как следствие коммуникативного «обнуления», которое можно свести к ряду обобщенных импликатур. Смысл этих импликатур сводится к тому, что, речевой партнер не имеет «права на речь» вследствие недостаточной профессиональной или коммуникативной компетентности, вследствие того, что сообщает неистинную информацию, вследствие того, что он не обладает должным авторитетом и т.д. Например: Вы говорите ерунду! Все, что вы сказали, – ложь! Вы ничего не понимаете в музыке !

Ср.: 1. В.Живов – М. Задорнову: Я такой бред не раз слышал. По должности я выслушиваю сумасшедших вроде вас.

2. М.Задорнов: Нет, я не могу ответить как ученый, я не ученый.

В.Живов: Вы не ученый! Это точно!

(Телепередача «Гордонкихот», 19.09.2008).

Речевая агрессия как вторжение в аксиологическое пространство адресата осуществляется путем навязывания адресату негативного отношения к референту высказывания. Вторжение в аксиологическое пространство – это изменение посредством некорректных коммуникативных приемов и деструктивных форм речевого поведения системы ценностей и оценок, которые, с точки зрения говорящего, актуальны для реальных и / или потенциальных контактов адресата. Навязывая адресату негативное отношение к предмету речи, говорящий исходит из того, что референт высказывания является для адресата потенциальным коммуникативным партнером (в широком смысле). Целевая установка такой аксиологической дестабилизации коммуникативного пространства – разрушение коммуникативной перспективы между адресатом и предметом речи. Деструктивность речевого поведения проявляется в том, что негативная оценка представлена в высказывании не как оценка-мнение, а как оценка-знание: индивидуальная оценка дается как всеобщая (категоричная) и объективная, т.е. не требующая мотивировки (аксиоматичная). Например: Все знают, что он вор.

Ср.: В. Жириновский: Везде мерзавцы послы находятся в СНГ. Они ничего не делают для улучшения отношений между нами. Начиная от Черномырдина в Киеве и кончая нашим послом в Казахстане.

(Интервью на радио «Эхо Москвы» 17.01.2005).

Вторжение в когнитивное пространство – это изменение представлений адресата о предмете речи на уровне концепта. Специфика данного типа речевой агрессии заключается в том, что адресант, выражая прямо или косвенно негативное отношение к предмету речи, выбирает его обозначение, руководствуясь, в первую очередь, задачами максимального негативизирующего воздействия, не учитывая или сознательно игнорируя негативизацию стоящего за данным словом концепта.

Данный тип речевого поведения эксплицируют так называемые универсальные высказывания, которые не подлежат верификации, а потому обладают особой воздействующей силой. Например: Все чиновники берут взятки. Женщины ничего не понимают в технике и т.д. Цель данного типа речевого поведения – изменить оценку целого класса объектов, стоящих за данным концептом. Речевая агрессия как вторжение в когнитивное пространство адресата может быть связана с актуализацией одного из компонентов смысловой структуры концепта, с привнесением нового содержания в его структуру, с изменением соотношения смысловых компонентов. Реструктуризация концепта происходит в коллективном когнитивном пространстве при наличии ряда факторов: а) многократность речевого воздействия через авторитетные источники информации (например, СМИ); б) наличие соответствующей экстралингвистической поддержки; в) значимость концепта для социума; г) «расплывчатость» концепта, т.е. отсутствие конкретного содержания и жесткой структуры. Поводом для формирования новых объектов речевой агрессии в социуме служит важное событие, затрагивающее интересы всего общества, или социально-политическая ситуация, которая по тем или иным причинам не устраивает общество. В результате установления логической связи между негативными изменениями или событиями в жизни общества и тем объектом, который с той или иной степенью очевидности может быть признан причиной (виновником) существующего положения, появляется значительное количество негативных высказываний, где для обозначения таких объектов используется абстрактная номинация, которая могла бы соответствовать значительному

количеству референтов. Выбор номинации, как правило, – результат совпадения экстралингвистических и интерлингвистических факторов. Данная номинация начинает активно использоваться в контексте с негативной модальностью множеством адресантов во множестве различных дискурсов. В результате многократного длительного воздействия в коллективном когнитивном пространстве происходит реструктуризация концепта: содержание ядерной зоны концепта изменяется и одновременно негативизируется. Следствием этого процесса является изменение в негативную сторону социальной оценки всего концепта. Например, в концепт чиновник для современного носителя русского языка, как правило, включены смысловые составляющие бездушный бюрократ, взяточник. В данном случае речь может идти не о когнитивном пространстве в целом, а об изменении только тех концептов, которые актуальны и для адресанта и для адресата.

Эти коммуникативно-прагматические разновидности речевой агрессии соответствуют основным сферам коммуникативного пространства (Воронцова 2006).

В принципе, таким образом можно структурировать коммуникативное пространство и при рассмотрении других типов речевого поведения – толерантности и вежливости.

Лингвистическое осмысление термина «толерантность» осуществляется с разных позиций: когнитивных культурологических, психолингвистических и т.д. (Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2005). Однако при любом подходе следует признать, что «условием возникновения проблемы толерантности является только ситуация конфликта (в широком понимании), ситуация разногласий, взаимного отрицания ценностей и норм другого субъекта. ...Важной оказывается аксиологическая сторона отношения: какова ценность предмета разногласий для субъекта. Нельзя быть толерантным (или нетолерантным) к тому, до чего нам нет никакого дела. Парадокс толерантности состоит в том, что мы согласны не соглашаться с чем-то действительно для нас важным» (Михайлова 2005: 100).

С прагмалингвистических позиций толерантность как тип речевого поведения подразумевает установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата.

В собственно речевой сфере толерантность проявляется в установке на сбалансированный диалог: речевые партнеры действуют в соответствии с дискурсивными параметрами. Для толерантного диалога характерна последовательная, зачастую акцентированная мена коммуникативных ролей (говорящий – слушающий), отсутствие как речевых придержек, так и речевых поддержек, как перехвата, так и подхвата реплик речевого партнера.

В оценочных высказываниях в качестве показателей установки на толерантное речевое поведение могут выступать, например, указания на субъективный характер оценки (это мое личное мнение), апелляция к авторитету как способ объективации оценки (это точка зрения N) и т.д. Например:

Корр.: Вы полагаете, что два прилагательных к государству — это перебор?

Д.А. Медведев¹: Возможно, у меня на это более формальный взгляд, чем у моих коллег. Причина — мое юридическое образование. Меня учили, что есть триада

1. Д.А. Медведев – с 2008 г. – Президент РФ, в 2006 г. – первый вице-премьер правительства РФ

признаков государства: форма государственного устройства, форма правления и политический режим.

(Из интервью Д.А. Медведева журналу «Эксперт», 2006 г.).

Толерантность может проявляться как по отношению к адресату, так и к предмету речи (референту). В этом случае толерантность реализуется через тактику ухода от конфликтных тем, и это позволяет нейтрализовать негативность предшествующего высказывания. Например:

В. Новодворская²:... Мне сдается, что те члены МОК, которые выбирали такое удачное место для Олимпиады и летней и зимней в Пекине и Сочи, очень-таки продавались и за хорошую, наверное, сумму.

О. Бычкова³: Ладно, мы не будем говорить о том, о чем не знаем.

(Интервью на радио «Эхо Москвы», 09 .09. 2007).

В когнитивной сфере коммуникативного пространства толерантность проявляется как возможность представления предмета речи с разных позиций (Вы рассуждаете как экономист, а я как юрист). Например:

Корр.: Но есть страны, которые не являются полностью суверенными, потому что, например, у них нет собственной финансовой системы, хотя, конечно, есть границы и конституция...

Д.А. Медведев: Здесь и находится корень расхождения между вашим пониманием и моим. Для меня «суверенитет» — понятие юридическое, а для вас — элемент экономического устройства страны. Это, на мой взгляд, разные вещи. В выражении «суверенная демократия» просматривается еще и калька с английского *sovereign democracy*. Но для нас эта калька не вполне подходит. Во-первых, у нас разное понимание и правовой системы, и даже некоторых правовых терминов. Во-вторых, в этой конструкции термин *sovereign*, по-видимому, означает все-таки не «суверенный» в нашем понимании, а «государственный» или «национальный».

(Из интервью Д.А. Медведева журналу «Эксперт», 2006 г.).

В данном случае потенциальный когнитивный конфликт переводится на уровень лингвокультурных расхождений, переходит в своего рода «спор о терминах», который толерантно разрешается.

Вежливость и толерантность рассматриваются как тесно взаимосвязанные коммуникативные категории. Вежливость может рассматриваться как внешнее проявление толерантности, как одна из составляющих толерантного поведения (Михайлова 2005: 107). Одна из самых известных западных теорий — теория позитивной и негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона, базирующаяся на социолингвистических установках, фактически включает в стратегии вежливости и толерантное речевое взаимодействие (Brown, P. Levinson 1987).

В большинстве исследований категория вежливости представлена как необходимый фактор оптимального взаимодействия в определенном этнокультурном

2. В.И. Новодворская – современный российский политик.

3. О. Бычкова – ведущая радиостанции «Эхо Москвы».

пространстве (Л. Кастлер (2004), Н.И. Формановская (2005), Т.В. Ларина (2003, 2004, 2005) и др.). Т.В. Ларина определяет вежливость как категорию более широкого плана, чем этикет, как национально-специфическую систему коммуникативных стратегий, нацеленных на эффективное бесконфликтное общение, которые формируют кооперативно-конформный коммуникативный стиль (2004). Этот стиль отличается «ярко выраженной ориентированностью на партнера по коммуникации», имитирует настроенность на него (Ларина 2005: 251).

На наш взгляд, с точки зрения прагматических характеристик, вежливость представляет собой особый тип речевого поведения, который подразумевает стремление говорящего к взаимодействию, т.е. к созданию качественно нового речевого, аксиологического и когнитивного поля. Такой тип взаимодействия позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою. Чем более успешно реализуется данный тип речевого поведения, тем шире сфера общего коммуникативного пространства, тем успешнее коммуникация.

В речевом пространстве диалога данный тип речевого поведения реализуется через речевые поддержки, подхваты реплик речевого партнера, акцентированную передачу коммуникативной инициативы (открытые вопросы, реплики, побуждающие партнера к речевой активности и т.д.). Например:

В. Познер: ...При живом человеке, когда называют его именем улицы, неловко должно быть мне кажется. Хотя, может быть, он вполне заслуживает, но как-то...

С. Бунтман: Это как-то не так. И если учесть, что у нас вроде бы и не полагается (подхват реплики).

В аксиологической сфере вежливость может проявляться как согласованность адресанта и адресата в оценке предмета речи:

1. С. Бунтман: ...Дебаты вещь какая-то совершенно упоительная.

В. Познер: Это колоссально интересно.

(Радиостанция «Эхо Москвы», передача «Особое мнение», 7.10. 2008).

2. С.Бунтман: Америке повезло, что она вышла из кризиса с очень приличным человеком.

В. Познер: Благодаря Рузвельту, ему надо было поставить просто памятник из золота.

(Радиостанция «Эхо Москвы», передача «Особое мнение», 7.10. 2008).

Кроме того, вежливость может реализовываться как языковой способ представления ценностей речевого партнера. Например:

С. Спивакова: Скажите, а как относятся к этому Ваши хористы?

В. Минин: Артисты хора

С. Спивакова: Да, конечно, артисты хора...

(программа «Камертон» 11.03.07, беседа Сати Спиваковой с В. Мининым).

В словарях русского языка слово хорист (хористка) толкуется через словосочетание «артист хора»: хорист – артист хора, а также вообще тот, кто поет в хоре. (Ожегов, Шведова 2000 : 867). Однако поправка В. Минина указывает на то, что для него понятия «хорист» и «артист хора» аксиологически не равны. Номинация «хористы», с

его точки зрения, обладает более сниженной коннотацией по сравнению с номинацией «артисты хора». Соглашаясь с предложенной речевым партнером номинацией, собеседник (Сати Спивакова) дает понять речевому партнеру, что принимает его систему ценностей (в данном случае вопреки языковым реалиям).

Такая аксиологическая «подстройка» может происходить и на стилистическом уровне. Например:

С. Спивакова – В.Минину: Пять лет назад Господь забрал Вашу жену...
(программа «Камертон» 11.03.07, беседа Сати Спиваковой с В. Мининим).

Адресант выбирает самый стилистически высокий синоним глагола умереть, подчеркивая таким образом свое уважение к ценностям адресата.

В данном случае стратегия вежливости как речевого поведения реализуется при помощи языковых и речевых средств: адресант (С. Спивакова) «встраивается» в аксиологическое пространство адресата, принимая его систему ценностей.

В когнитивной сфере вежливость проявляется как стремление говорящего гармонизировать собственное представление о предмете речи с представлением адресата. На содержательном уровне это уточнения, дополнения и т.п.

Например:

В. Познер: В 1929 году не был конец света. Другое дело, что то, что было тогда, сыграло роль в появлении Гитлера в частности на фоне страшной совершенно ситуации в Германии. Тут какие могут быть политические последствия, я не знаю. Но они могут быть.

С. Бунтман: Есть один совет, который дают историки, аналитики - следите за выходом из кризиса, потому что все приходы Гитлера, это выход из кризиса. Когда есть политики, которые берут себе лавры выхода из кризиса.

В. Познер - Именно так.

(Радиостанция «Эхо Москвы», передача «Особое мнение», 7.10. 2008).

В данном случае второй собеседник (С. Бунтман) дополняет и конкретизирует высказывание речевого партнера (В. Познера), расширяя представление о предмете речи (политические последствия выхода из экономического кризиса).

Коммуникативно-дискурсивный анализ каждого из коммуникативно-прагматических типов речевого поведения – предмет специального изучения. Дальнейшее исследование речевых тактик, специфических приемов, речевых и языковых средств, характерных для данных типов речевого взаимодействия, позволит, в конечном счете, выйти на проблему оптимального общения в различных типах дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

BROWN, P. LEVINSON, S.C. (1987): Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge University Press, New York.

БОРИСОВА, И.Н. (2001): Русский разговорный диалог. Издательство Уральского университета. Екатеринбург.

- ВИНОКУР, Т.Г. (1993): *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения.* Наука. Москва.
- ВОРОНЦОВА, Т.А. (2006): *Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство.* Издательский дом «Удмуртский университет». Ижевск.
- ГАСПАРОВ, Б.М. (1996): *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования.* Новое литературное обозрение. Москва.
- ДЕМЬЯНКОВ, В.З. (1992) «Гайна диалога: (Введение)». В кн.: *Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования.* ИНИОН РАН, Москва. С. 10–44.
- ДРИДЗЕ, Т.М. (1980): *Язык и социальная психология.* Высшая школа. Москва.
- КАСТЛЕР, Л. (2004): «Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии взаимодействия». В кн. *Агрессия в языке и речи.* Издательство РГГУ, Москва
- КЛЮЕВ, Е. В. (2002): *Речевая коммуникация.* РИПОЛ КЛАССИК. Москва.
- ЛАРИНА Т.В. (2005): «Английский стиль фатической коммуникации». В кн. *Жанры речи.* Колледж, Саратов. С. 251–262;
- ЛАРИНА, Т.В. (2003): *Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах.* Издательство РУДН.
- ЛАРИНА, Т.В. (2004): «Национальный стиль вербальной коммуникации и категория вежливости». В кн.: *Образование, наука и экономика в вузах. Интегративная функция педагогической науки в международном образовательном пространстве. Education, Science and Economics at Universities. Pedagogical Theory Integrative Function in the World Educational Domain.* МАНПО, Москва – Братислава. С. 296 – 302.
- ЛЕОНТЬЕВ А.А. (1999): *Психология общения. Смысл.* Москва.
- МАТВЕЕВА Г.Г. (1984): *Актуализация прагматического аспекта научного текста.* Издательство Ростовского университета. Ростов-на-Дону. МАТВЕЕВА Г.Г. (2000) <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note36>. «Метод перевода для анализа речевого поведения автора исходного текста и переводчика». В кн.: *Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании* Издательство ТИУиЭ, Таганрог. С. 167–175.
- МИХАЛЬСКАЯ, А.К. (1996): *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике.* Издательский центр «Academia». Москва.
- МИХАЛЬСКАЯ, А.К. (1999): «О речевом поведении политиков». *Независимая газета*, № 227 (2043).
- МИХАЙЛОВА, О.А. (2005): «Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста». В кн.: *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* ОЛМА*ПРЕСС, Москва. С. 99–111.
- МУРАВЬЕВА, Н.В. (2004): *Язык конфликта. Термика.* Москва.
- ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. (2000): *Толковый словарь русского языка.* Российская Академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва.
- ПОЧЕПЦОВ, Г.Г. (2001): *Теория коммуникации.* Рефл-бук, К.: Ваклер. Москва.
- СТЕРНИН, И.А. (2001): *Очерк американского коммуникативного поведения.* Истоки. Воронеж.
- СУСОВ, И.П. (1989): «Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах». В кн.: *Социальная стратификация языка.* Издательство Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков, Пятигорск. С. 57–59.

- ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ (2005). ОЛМА*ПРЕСС. Москва
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н.И. (1982): Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Русский язык. Москва.
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н.И. (2005): «Ритуалы вежливости и толерантность» в кн. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. ОЛМА*ПРЕСС. Москва. С. 337-355.
- ШВЕЙЦЕР, А.Д. (1990) «Социоллингвистика». В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь. Советская энциклопедия. Москва. С. 481–482. ЯКОБСОН, Р. (1975): «Лингвистика и поэтика». В кн.: Структурализм: «за» и «против». Прогресс. Москва. С. 193–230.
- ЯКОБСОН, Р. (1975): «Лингвистика и поэтика». В кн.: Структурализм: «за» и «против». Прогресс, Москва. С. 193–230.